

О пользе трудотерапии

В новой инсталляции Константин Звездочетов попытался исследовать саму суть понятия «работа»

Газета - 2004 - 24 сент. - в. 15.

Константин Звездочетов в галерее XL

МАРИЯ РОГУЛЕВА

Руководство галереи XL в лице Елены Селиной решительно отказалось объяснять концепцию новой выставки Константина Звездочетова. Мол, пресс-релизы все равно не читают, а буклеты сразу же выбрасывают. Однако многие на вернисаже тщательно искали несуществующий пресс-релиз, а одна молодая художница, к Звездочетову относящаяся с пиететом, долго рассматривала буклет и потом недоуменно сказала: «Тут столько написано, что это адова работа».

Константин Звездочетов — часть культурного пейзажа: в 1970-е — участник группы «Мухоморы», вроде как классик, но домашний, не забронзовевший, признанный и здесь, и на Западе, но никогда не называемый «коммерческим». О нем как-то не тянет говорить «участник Венецианской биеннале» — и не потому, что успех его на Западе начался задолго до Биеннале 2003 года, а скорее потому, что уж очень он самодостаточный. Звездочетов и на Биеннале Звездочетов.

На новой выставке в XL (название ее — «На работе») показан проект масштабный, совсем не разноцветный и не совсем развлекательный, но в определенном смысле это Звездочетов в концентрированном виде. Выставка очень рефлексивная. Вместо жизнерадостных Анкл Бенса и Виолы на острове сокровищ, концептуальных битв архетипических пилотов Экзюпери и Бойса в грозовых небесах, вместо бурлескных папараци и тиффози — персонажи на какой-то вечной стройке с явно озадаченными лицами. Здесь не столько фирменные звездочетовские штуки — поп-артистские заимствования из массовой культуры или иронические смысловые игры с теорией искусства, сколько цитаты из самого себя. Эстетика новой инсталляции художника напоминает советское кино, персонажи смутно знакомы, но если они и напоминают, скажем, Труса, Балбеса и Бывалого, то это не Вицин, Моргунов и Никулин, а сугубо звездочетовские герои, перемещенные

на унылую стройку, возможно, из проекта «Артисты — метростроителям». Есть и прямые ссылки на самого себя — красноречивые мухоморы и арбуз. Напоминание о раннем творчестве, как сказал бы биограф.

Звездочетов наглядно показал коллегам по цеху, как надо работать: инсталляция сделана качественно, производит впечатление и в целом, и по частям. Например, мизансцены автору удаются замечательно — не зря он когда-то учился в школе-студии МХАТ, на постановочном факультете. Кроме того, работать надо без лишних рассуждений. Все персонажи трудятся молча (максимум, что можно услышать, — это сопение-кряхтение или что-то вроде «э-э-эх...»). Нет и включений текста, выписанного характерным звездочетовским почерком. Присутствует единственное слово, правда, многозначительное: «Конституция» — это заглавие на чистом листе в руках у сидящего рабочего. Многих героев явно одолевают сомнения, и цель их работы неясна, но стройка все равно продолжается.

В пресс-релизе или буклете могло быть написано следующее: художник — рабочий человек, а искусство — «адова работа», занятие бесполезное и эфемерное, производство, отходы от которого — в основном пустые бутылки (и не только из-под разбавителя). Но работать все равно надо, и смотреть искусство тоже надо. Это тоже работа.